

ПОИСКИ
И НАХОДКИ

Неизвестный
автограф А. И. Герцена

ПОШЕЛ второй год с тех пор, как Герцен покинул Россию. Последние несколько месяцев он провел в Париже, в кругу близких ему москвичей — семейства Тучковых и Корш. В начале августа 1848 года они стали собираться домой. Герцен затосковал по России, по друзьям: Кетчеру, Грановскому, Огареву, Щепкину — всем тем, кто составлял тесный кружок, где говорили на одном языке, мыслили едино. «Иногда мне кажется, что мы не увидимся, — у меня от этой мысли кровь стынет в жилах», — писал Герцен, еще не зная, что его предчувствие окажется пророческим.

Пользуясь надежной оказией, Герцен готовит к отправке в Москву свои новые статьи, а также подарки друзьям — репродукции, карикатуры и т. п. «Я написал на картинках, кому что посылаю». 9 августа все было готово к отъезду, багаж упакован, путешественники тронулись в дальний путь...

сти русской природы, которые делают незабываемой нашу веру в будущность России».

Они познакомились в конце 1839 года. В тот день Герцен «хохотал, как безумный», слушая блестящие устные рассказы актера. В другой раз он узнал от него историю крепостной актрисы, из которой родилась его повесть «Сорока-воровка». Автор посвятил ее Щепкину. Несмотря на громадную разницу в возрасте (24 года), нежная дружба связывала двух замечательных людей. Под влиянием искусства Щепкина, Мочалова и других мастеров русской сцены театр занимал в жизни Герцена особое место, он считал его «высшей инстанцией для решения жизненных вопросов».

Уезжая за границу, Герцен несколько дней прощался с друзьями, как бы наперед зная, что расстанутся они надолго. Утром в день отъезда Герцен заехал к старику, чтобы последний раз обнять его, но тот отправился с ним на почтовую станцию, где был дан прощальный обед. На-

ла его воображением, и, надо полагать, ему не пришлось ломать себе голову, что послать другу Михаилу Семеновичу — артисту — он дарит портрет актрисы.

Проходит несколько лет. Герцен живет в Лондоне, где печатает издания, запрещенные в России. Кружок московских друзей обеспокоен его деятельностью, которая отрезает ему обратный путь на родину. В 1853 году Щепкин хлопочет об отпуске, чтобы везти на лечение в Европу больного сына. На торжественном обеде в честь разрешенного отъезда Щепкина присутствовали Грановский, Кетчер, Островский, Боткин, Чаадаев... Решили, что Михаил Семенович специально заедет в Лондон, чтобы повидаться с Герценом и уговорить его замолчать...

...Оставив сына на попечение парижских врачей, Щепкин в конце августа отплыл в Англию. Герцен, давно ожидавший друга, выехал ему навстречу в Фолкстон, куда приставали корабли

их состоялось. Как раз в это время Рашель собиралась на гастроль в Россию. В залог будущей встречи она подарила Щепкину рукописный экземпляр трагедии Расина «Эсфирь», сопроводив его надписью: «В дар великому комическому актеру, господину Щепкину от понимающей его трагической актрисы Франци Рашель. Париж 15/27 сентября 1853 г.»

Гастроли Рашель в России начались в Петербурге. До Москвы доходили слухи о ее небывалом успехе.

«...Она мне житья не дает, — писал тогда Щепкин, — я уже ее во сне несколько раз видел — в таких пьесах, каких и не существует».

Наконец начались спектакли Рашель в Малом театре. В эти дни Москва, что называется, жила театром. Е. Д. Щепкина, жена артиста, держит в курсе событий отсутствующего сына:

«...все выходят одурелые из театра, так она их уводит своей игрой. Еще такой, говорят, не бывало. И всякий день играет. Какое здоровье надобно».

Щепкин не пропускает спектаклей Рашель и почти ежедневно бывает у нее. Дело не только в московском гостеприимстве — Рашель задала 65-летнему признанному всеми великому артисту множество творческих вопросов и загадок.

«Она столько бросила в мою старую голову мыслей, что не знаю, как и ладить с ними. Главное скажу, что она ясно показала как нужно изучать и» (Разрядка моя. — И. Р.).

Когда в Париже Щепкин знакомился с игрой французских актеров, ему не хватало в их искусстве сердечности и теплоты: «...все без души играют, все заученое. Играть... так, чтобы я не видал, что заученое». А вот Рашель умела соединить горение сердца с глубоким знанием... Вместе с тем Щепкин порицает актрису за безжалостную растрату своего таланта:

«Я ей сказал, что она возвела искусство очень высоко и сама же топчет его в грязь: сыграть 26 спектаклей сразу — эта поденщина унижает искусство».

Гастроли Рашель, продолжавшиеся около месяца, подходили к концу. Щепкин заранее обдумал, что подарит ей на прощание. Это была рукописная книга с текстом пушкинского «Скупого рыцаря», иллюстрированная портретом поэта и видами Москвы. Подобно тому как Рашель подарила Щепкину текст своей коронной роли — Эсфири, так русский артист хочет оставить по себе память ролью Барона, которая была его большой удачей.

Накануне дня рождения актрисы (ей исполнилось 33 года) Щепкин явился к ней с подарком, но она не приняла его, потребовала, чтобы была добавлена еще одна иллюстрация — портрет самого артиста. Пришлось Щепкину срочно отправиться в фотографическую мастерскую на Кузнецком мосту. Фотография была вклеена в книгу, надпись на титуле гласила: «Госпоже Рашель, великой художнице драматического искусства, в знак глубокого уважения к ее гигантскому таланту. Комический актер Щепкин». Подарок был вручен актрисе после окончания ее последнего московского спектакля. На другой день Рашель покидала Россию...

На этом, собственно, и кончается сюжет непродолжительной, но оставившей глубокий след дружбы двух величайших актеров современников. Больше им встретиться не пришлось. Через год Рашель оставила сцену, а еще через три — в возрасте тридцати семи лет — умерла.

Когда смотришь на прекрасный лик молодой женщины, чье искусство поразило такие умы, как Герцен и Щепкин, когда перечитываешь надпись, сделанную рукой Герцена 130 с лишним лет назад, заново осознаешь, что значит связь времен, культур, творцов...

Инна РОДИОНОВА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАДПИСИ

Портрет Элизы Рашель с автографом А. И. Герцена.

Правнучке Михаила Семеновича Щепкина, писательнице Т. А. Щепкиной-Куперник, досталось от прадеда несколько памятных вещей. Вместе с ней они переезжали много лет из дома в дом, пока не оказались в квартире М. Н. Ермоловой на Тверском бульваре, где Щепкина-Куперник жила последние годы вместе со своей давней подругой — дочерью Ермоловой, М. Н. Зелениной. Теперь здесь находится мемориальный музей актрисы, а вещи, не вошедшие в экспозицию, составляют его запасной фонд.

Во время ремонта, перетаскивая старый сундук, разбили стекло хранящегося в нем портрета великой трагической актрисы Франции Элизы Рашель. Портрет вынули из рамы, и обнаружилась никому не известная прежде надпись:

**«МИХАИЛУ СЕМЕ-
НОВИЧУ ЩЕПКИНУ
ОТ А. И. ГЕРЦЕНА. ПА-
РИЖ 1848 АВГУСТА 6».**

Герцен... Щепкин... Рашель... Три могучих имени — соединили в себе эта литография... За коротеньким автографом Герцена встают интереснейшие страницы театральной культуры середины прошлого столетия, история взаимоотношений выдающихся художников.

Щепкин высоко поднял звание русского артиста. Он был близок с Пушкиным, Гоголем, Белинским, Аксаковым... В статье, посвященной памяти Щепкина, Герцен утверждал:

«Щепкин и Мочалов, без сомнения, два лучших артиста из всех виденных мною в продолжение тридцати пяти лет и на протяжении всей Европы. Оба принадлежат к тем нациям на сокровенные силы и возможно-

конец настала последняя минута, Герцена усадили в коляску и еще долго смотрели ей вслед...

В Европе Герцен с жадностью посещает театр, но вскоре приходит к грустному выводу: «Какие таланты... испорчены, разменены на мелочь... удовлетворяя жажде одного смеха...» — с горечью сообщает он Щепкину. В сравнении с жизненной правдой русских артистов театр французского классицизма, где актеры продолжают завывать и размахивать руками, кажется Герцену невыносимым. И вместе с тем он становится постоянным зрителем «Комеди Франсез», где идут трагедии Расина, Корнеля и других отживающих свой век представителей классицизма. Его влечет туда актриса, чье искусство заставляет зрителя горячо сопереживать страданиям ее героинь — Федры, Эсфири, Гофолли. Этой актрисой была Элиза Рашель... Накануне революции 1848 года ее свободобоевое искусство, восстающее против тирании и деспотизма, обрело особый смысл.

Герцен спешит поделиться с друзьями из России своим впечатлением о Рашель:

«Она нехороша собой, невысока ростом, худая, истомлена; но куда ей рост, на что ей красота, с этими чертами, резкими, выразительными, проникнутыми страстью? Игра ее удивительна; пока она на сцене, что бы ни делалось, вы не можете оторваться от нее: это слабое, хрупкое существо подавляет вас...»

В дни поражения революции Герцен был свидетелем знаменитого исполнения актрисой «Марсельезы» — с трибуны театра она призывала соотечественников продолжать борьбу. «Марсельезу» Герцен слушал незадолго до отъезда Тучковых на родину. В те дни Рашель владе-

ла его воображением, и, надо полагать, ему не пришлось ломать себе голову, что послать другу Михаилу Семеновичу — артисту — он дарит портрет актрисы.

Но время и события изменили их. Герцен еще больше укрепился в необходимости радикальных перемен в общественной жизни России; Щепкин, как и многие старые друзья, жил в эти годы лишь ожиданием реформ сверху. Четыре дня в предместье Лондона двое русских жарко спорили о судьбах России. Но понять друг друга им было не дано, с затаенной болью и нескрываемым недовольством они расстались каждый при своем.

Мы не знаем, что рассказал о своей неудавшейся миссии Михаил Семенович в Москве; сведений об этом не найти в архивных документах — слишком опасно было упоминать тогда имя Герцена. Но можно предположить, что по-иному вспоминалась Щепкину эта встреча, когда на склоне лет он, бывший крепостной, торжествовал отмену крепостного права...

И Герцен не разлюбил старика, с благодарностью написал он позднее о визите к нему, опальному изгнаннику: «Первый русский, ехавший в Лондон, не боявшийся по-старому протянуть мне руку, был Михаил Семенович».

Из Лондона Щепкин вернулся в Париж. Днем он бродит по городу, осматривает картинные галереи, а вечером устремляется в театр. В итоге он отзовется о французских актерах так: «Они очень хороши, но меня не удовлетворяют; и вообще на всех театрах одно направление: эффект и эффект».

Увидеть на сцене Рашель Щепкину не удалось — она в это время не играла, но знакомство